

ББК 63.3(2)6-72

А. С. Панин

**«ОБНАРУЖИЛАСЬ МОГИЛА ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ...»
(Почитание могил как внешнее проявление
народной религиозности в XX веке)**

В XX веке народная религиозность является важной частью повседневной жизни, проявляясь в практиках, связанных с погребением и поминовением. Религиозные символы, «знаки и тексты» облегчают почитание могил. Почитание могил, прежде всего почивших праведников, подтверждает значимость «сакрального в повседневной жизни» для массового религиозного сознания.

Ключевые слова: Народная религиозность, повседневность, практики связанные с погребением и поминовением, религиозные символы, почитание могил.

In the twentieth century, folk religiosity is an important part of everyday life, manifested in practices related to burial and commemoration. Religious symbols, «signs and texts» facilitate the veneration of graves. The veneration of the graves, above all of the dead righteous, confirms the significance of the «sacred in everyday life» for mass religious consciousness.

Key words: Folk religiosity, everyday life, practices related to burial and commemoration, religious symbols, grave worship.

В настоящее время религия и религиозность становятся полноправными объектами научного дискурса, хотя по поводу предмета исследования ещё могут возникать отдельные разногласия. Так, например, народная религиозность сегодня, с одной стороны кажется достаточно изученной, с другой стороны в её определении или, точнее, в выделении предмета исследования всё ещё существуют разночтения. Достаточно сказать, что даже при согласии с термином «народная религиозность» при различных методологических подходах, здесь будут приниматься во внимание то ментальные структуры, то этнографические традиции и их проявления. По-видимому, наиболее простым выходом оказывается примирение со всеми пересекающимися определениями и одновременное признание, что ментальные основы могут дополняться доступными этнографу обрядами и ритуалами.

«К народной религиозности, синонимами которой являются «народное православие», «народное христианство», относят ту часть религиозной культуры общества, которая не попадает в фокус церковной традиции, не кодифицирована и находится в сфере индивидуального религиозного опыта, а также связана с народными, локальными или повседневными обычаями...» [2, с. 29].

В приведённом выше отрывке кроме прочего отмечается связь народной религиозности с повседневностью. Кажется важным, что «массовая» или народная религиозность неоспоримо вплетается в ткань истории повседневности, определяет обыденные практики и не связанные с Церковью сферы культуры.

«Можно сказать, что народная религиозность транслирует «культурный код», обуславливающий обыденную жизнь» [4, с. 31].

Соотнесённость религиозности и обыденности позволяет объяснить трудности с точными определениями содержания «народной религиозности» — вне догматов и Церкви не может быть религиозности неизменной во всех проявлениях, как не может быть повседневности одинаковой в разное время и в разных местах.

В то же время религиозные мотивы повседневных практик могут проявляться везде и повсюду даже при отсутствии «кодифицированной религиозной культуры» и без непосредственных церковных институтов.

В качестве проявления народной религиозности можно рассмотреть практики, связанные с погребением и поминовением. На конфессиональных кладбищах императорской России православные погребения, как правило, сопровождалось крестом, несли на себе различные признаки развитой религиозной традиции.

«Типовое надгробие» русского провинциального некрополя сопровождалось не менее «типовыми» иконами, знаками и текстами. По всей видимости, здесь имело место не простое «механическое» повторение внешних форм в ходе «массового» производства, но проявление стереотипов массового религиозного сознания [5].

В советское время при официальном торжестве атеизма и сокращении православных храмов как будто оснований для сохранения православных традиций погребения не осталось. Между тем можно видеть, что и надгробия советского времени зачастую представляют всё тот же крест, нередко даже сохраняющий форму традиционного «гольца», а порой и дополняющийся иконой.

Так, например, многие сохранившиеся кресты некрополя основанного в 30-е годы XIX века посёлка Бреды (ныне районный центр Челябинской области) имеют традиционную восьмиконечную форму и часто характерную двускатную «крышу», соединяющую концы верхней перекладины. Это так называемые «гольцы» (или «голубцы») хорошо известные по кладбищам провинциального некрополя по всей России. Судя по датам, наиболее ранние погребения относятся к 1950-ым годам, храма в посёлке в это время уже не было — однако отдельные кресты имеют деревянные «киоты», предполагавшие установку икон, а в некоторых случаях до наших дней сохранились дополнявшие кресты медно-литые образки.

И здесь можно видеть, что, например женское погребение, с отчётливо читающимся именем «Евгения» сопровождается медным образком. Изображение соответствует иконографическому образу св. Николая Чудотворца (тип изображения «поясной», слева и справа фигуры Христа и Богородицы).

Дата рождения погребенной Евгении 20 ноября. Её имя и образок на кресте соответствуют православным традициям. Так 20 ноября Православная Церковь поминает мученика Евгения Мелитинского, а 19 декабря (6 декабря по старому стилю) чествует Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. То есть имя «Евгения» соответствует Святцам, а образ на надгробном кресте мог быть связан с обстоятельствами крещения («именин») усопшей, оказавшихся в соседстве с крупным православным праздником. Правда, если предположить, что икона на надгробном памятнике была связана с традициями личного благочестия и несла на себе изображение

святого-покровителя погребённого, то нельзя не отметить, что в советское время такая связь далеко не всегда очевидна.

Однако, несмотря на трудности с соотношением иконографического образа на надгробном памятнике и «личной иконы», на материале проведённого исследования вполне можно предположить, что «надгробная» медная иконка была связана с жизнью погребённой, являлась для неё значимым предметом личного благочестия. В данном случае важно, что мы вполне можем говорить о выделении с помощью икон «сакрального пространства».

Благодаря кресту, иконе, иным «знакам и текстам» могила выделялась из обыденной реальности, приобретала значение места для молитвы или даже храма. При отсутствии других храмов поблизости могила могла стать значимым объектом почитания уже не только для родственников погребённого, но и для других верующих. Такая традиция считается свойственной старообрядцам, хотя скорее может быть связанной с народной религиозностью в целом.

«Проявлением народной религиозности можно назвать существование мест, в которые отправлялись на богомолье или с паломническими целями. Прежде всего, речь может идти о старообрядческой традиции почитания могил старцев и стариц...» [4, с. 89].

Почитание могил праведников было одним из «внешних проявлений» народной религиозности, что кроме прочего определялось не столько спецификой православия или старообрядчества, сколько особенностями массового религиозного сознания.

«Существующая в культуре предметная среда характеризует народную религиозность в аспекте связи с сакральным в повседневной жизни...» [4, с. 89].

Выделение одной могилы из ряда подобных могло происходить сверхъестественным образом. Для массовой «народной» религиозности значение имело не кто именно погребён в почитаемой могиле, но чудеса, здесь происходящие и возможность дальнейших чудотворений.

Факты подобного почитания, напрямую не связанные ни с православием, ни со старообрядчеством, фиксировались на территории будущего «Кустанайского уезда» Оренбургской губернии в начале XX века.

В начале прошлого столетия, в 1911 году, на границах Оренбургской епархии, в пределах Тургайской области, в Убаганской волости, на озере Талы существовала могила, «в коей по слухам погребён бывший начальник военного отряда Фёдор Карпов Новиков (или Набоков)». Командир «военного отряда» погиб на границах Степного края, во время боевых действий русской армии против казахского хана Кенесары Касым-улы (Кенесары Касымова) в период с 1837 по 1847 гг. Обнаружилась могила чудесным образом — местные жители уверяли что «на ней в русские праздники через камыши виднеются три огонька, как от свечей». Гроб «с останками в нём неизвестного лица, по сказаниям воина Ф. Набокова» был перезахоронен на ближайшем православном погосте Кустанайского уезда [3, с. 26].

Таким образом, перед нами пример того, как захоронение почти буквально стало чудом, — а почитание «чудесной могилы» православного воина даже местными «тургайскими киргизами» свидетельствует об архаичности и распространённости подобных религиозных практик.

Значение «огоньков как от свечей» может быть объяснено исходя из традиций русской агиографии. Вот как объясняет чудесные огни на могиле филолог и историк, профессор Андрей Михайлович Ранчин:

«Тело умершего и убиенного святого... воспринималось и как «малый храм», и как знак, «символ «подобие» Христа-жертвы, положенный в мире-храме. Огонь в свою очередь, выступал как зримый образ благодати святого духа, пребывающей в этом мысленном храме и в «малой церкви» — теле святого мученика...» [6, с. 132].

В начале прошлого столетия необычные могилы сверхъестественным образом выделялись из ряда подобных, в середине XX века, обнаруженные посредством чудесных знаков «мысленные храмы» становились объектом массового поклонения для христиан, оставшихся без опеки Православной Церкви.

В советское время на обширном пространстве, оставшемся без православных церквей, региональный и местный характер приобретало «подпольное богомолье». «Существовали места, где регулярно молились паломники... На кладбище... ежегодно в семик (четверг перед Троицей) местные жители молитвой и трапезой поминали своих родственников... Сведения о паломничествах местного значения поступали также из Архангельской, Ульяновской, Сталинградской, Челябинской областей...» [1, с. 184—185].

Таким образом, анализируя погребальные практики в XX веке и их предметное выражение в виде тех или иных предметов или явлений связанных с погребением, можно прийти к выводу, что все они находятся в рамках одной традиции. Несмотря на большой разброс отдельных практик во времени и пространстве, вероятно, не будет большой натяжкой обозначить эту традицию как народная религиозность.

«Стабильность религиозного мира вовсе не означала его неподвижности. Религиозность оставалась динамично развивающейся сферой народной культуры. Ей было присуще многообразие религиозного опыта и широкий спектр конфессиональных практик» [2, с. 37].

Говоря о народной религиозности, мы должны иметь в виду её динамизм и изменчивость, однако базовые параметры веры простого народа остаются неизменными на протяжении, по крайней мере, XX столетия. Несмотря на периодически происходящие в это время изменения основных параметров отношений государства и Церкви в России, общество в своей массе остаётся религиозным в том главном, что требует наполненности смыслом — как в ходе повседневной жизни, так и при переходе в смерть.

Библиографический список

1. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви : «Арефа», 2008.
2. Голикова С. В. Народная религиозность в переходные исторические эпохи // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2011. Вып. 9 : Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени.
3. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича / Рос. гос. ист. архив, Рус. генеал. о-во; изд. подготовил Д. Н. Шилов. Т. 2 : Губернии и области Урала, Сибири и Дальнего Востока. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015.
4. Мурзин А. А. Народная религиозность как феномен культуры : монография. М. : ИНФРА-М, 2013.
5. Панин А. С. Иконы, знаки и тексты старых кладбищ (Некрополь Южного Урала как исторический источник) // Государство, общество, церковь в истории России